

Курсова Марина Геннадьевна, Репина Евгения Александровна
Самарский государственный технический университет

Kursova Marina, Repina Evgeniya
Samara State Technical University

КАТЕГОРИЯ ПУСТОТЫ В МИРОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ: ЯПОНИЯ, ЗАПАД, РОССИЯ

CATEGORY OF EMPTINESS IN THE WORLD ARCHITECTURE: JAPAN, WEST, RUSSIA

В статье анализируется философское и психологическое значение категории пустоты и ее отражение в искусстве и архитектуре. Рассматривается сакральный смысл «пустоты» в дзэн-буддизме и его влияние на японскую архитектуру. Анализируются различия в интерпретациях понятия «пустоты» в восточной, западной и русской философии и архитектуре, освещается, каким образом отголоски учения дзен и категории пустоты способствовали зарождению пустотного канона в авангарде. Рассматриваются девальвация «пустоты» в эстетике модерна и ее трансформация в условиях постмодерна. В ходе анализа отношения современного поколения к категориям пустоты и пространства выявлены предпосылки возвращения отношения к пустоте и пространству как сакральным категориям архитектурной культуры.

The article analyzes the philosophical and psychological meaning of the category of emptiness and its reflection in art and architecture. The sacred meaning of emptiness in Zen Buddhism and its influence on Japanese architecture are considered. Differences in interpretations of the concept of “emptiness” in Eastern, Western and Russian philosophy and architecture are analyzed, it is highlighted how echoes of Zen teachings and the category of emptiness contributed to the emergence of the empty canon in the avant-garde. The devaluation of “emptiness” in the aesthetics of modernity and its transformation under the conditions of postmodernism are considered. In the course of analyzing the attitude of the modern generation to the categories of emptiness and space, the preconditions for the return of the attitude to emptiness and space as sacred categories of architectural culture are revealed.

Ключевые слова: пустота, дзэн-буддизм, гештальт, архетип, японская архитектура, авангард, минимализм, постмодернизм

Keywords: emptiness, Zen Buddhism, gestalt, archetype, Japanese architecture, avant-garde, minimalism, postmodernism

Категория пустоты занимает особое место в архитектуре, так как имеет эмоциональное и смысловое значение, обладает возможностью влиять на эмоции и чувства человека. Пустота позволяет понимать архитектуру за пределами построенного пространства. Она является более широким и многослойным понятием, предстает своего рода «духом» пространства. «Дом строится из стен с окнами и дверями, но именно пустота в нём составляет суть дома. Общий принцип: материальное – полезно, нематериальное – суть бытия» - писал философ древности Лао-Цзы. [1]

Согласно философии дзен-буддизма пустота (япон. – «шуньята», или «ма») находится на границе реального и нереального, она тождественна «текучести вещей», то есть «переплетению бытия и небытия». «Познавая то, что существует, вы можете познать то, чего не существует. Такова пустота». [2, с. 178]

Учение Будды, записанное в Сутре Сердца, содержит известные строчки: «Форма – это пустота. Пустота – это форма. Пустота – не иное, чем форма, форма также не иное, чем пустота». [3] Эти строки олицетворяют парадокс: объекты кажутся имеющими форму,

но, поскольку они связаны со всем остальным, это иллюзия, а «все остальное», с которым связаны объекты, можно воспринимать только через формы. Буддийская версия понимания пространства дает важные и равные позиции как форме, которую архитектор «собирает», так и взаимосвязанной пустоте, которая, в каком-то смысле, создает форму. Иначе говоря, в пространстве все взаимосвязано и имеет равное значение, частности не имеют своего отдельного «я».

Тот же смысл описывается принципом гештальтпсихологии «фигура-фон». Архитектурное пространство по Кристиану Норбергу-Шульцу, норвежскому теоретику архитектуры, приобретает экзистенциальные качества – вызывает глубокий эмоциональный отклик лишь тогда, когда все его элементы воспринимаются как единое целое. В данном аспекте при взаимодействии элементов пространства – массы и пустоты – по закону гештальтпсихологии «фигура-фон», возникает «третий элемент» системы – новый смысл, ведь «целое есть нечто большее, чем простая совокупность частей». Таким образом, пустота не означает, что в пространстве ничего нет, но означает, что простран-

ство полно смысла и тайн, а не формальных и поверхностных аспектов. [4]

Человек воспринимает «пустоту» на уровне бессознательного, в виде некоего первообраза, то есть, согласно психоаналитической доктрине К. Г. Юнга, за счет воздействия архетипа коллективного бессознательного. Архетипы, по определению К. Г. Юнга, не зависят от места и времени существования человека, «не распределяются благодаря традициям, языку и миграциям, могут проявляться спонтанно, в любое время и в любом месте, без всякого внешнего влияния». Предполагается, что архетип трансформации соответствует достижению пустоты по версии дзен, которая и есть просветление. Описанный К. Юнгом пространственный архетип трансформации отражает процесс восприятия пустоты, движение к просветлению – «это может быть точка перехода или связь пространств разного уровня, качества. Его начало почти всегда характеризуется как тупик или подобная ему безвыходная ситуация, целью процесса является... просветление или высшая сознательность. Через них первоначальная ситуация переводится на более высокий уровень». [5]

О том, что феномен пустоты играет промежуточную роль рассматривается в монографии Н. Р. Саенко «Онтологическая поэтика пустоты», посвященной изложению концепции философии небытия в приложении к эстетической сфере постмодернизма: «Еще в конце XIX в. А. Кемпе, известный специалист по символической логике, определил, что человеку свойственно мыслить в терминах диадных отношений: мы обычно разбиваем триадное отношение на пару диад. Логичным было бы утверждение, что диадные отношения есть триады, содержащие нулевой член. Таким образом признается существование некой нейтральности, середины, обладающей одновременно признаками противоположно маркированных полюсов. Таким третьим нулевым составляющим оппозиции «бытие - небытие» является феномен пустоты, принадлежащий сфере бытия, но обладающий категориальными признаками небытия». Там, где заканчивается осознание бытия пространства, времени, ментальных образований, начинается пустота». [6]

Весь опыт человечества по восприятию пустоты связан равным образом с влечением к пустоте и страхом пустоты. Предполагается, что данное трансцендентное качество пустоты является причиной различия в ее интерпретациях в восточной и западной культуре.

Отношение к пустоте, пустому пространству на Западе и на Востоке существенно отличается, равно как «чай, который символизирует буддизм контрастирует с вином, которое символизирует христианство, так что контраст между ними есть контраст между буддизмом и христианством» [2, с.307].

В восточном искусстве и архитектуре пустота имеет более глубокий смысл, чем просто пустое простран-

ство, как оно определяется в западной культуре. Здесь пустота имеет сакральное, божественное значение: «пустота есть Бог, а Бог – это пустота», «дух обладает пустотой» [2, с.332]. Пустота мыслится как граница между сознательным и бессознательным, точка баланса, миг между прошлым и будущим, состояние жизни «здесь и сейчас». В пустом пространстве человеку не поступает никакой новой информации, но именно в этот момент все накопленное предыдущим опытом преобразуется в душе человека в новое качество. Реальность выступает на поверхности, постигается истина, наступает просветление. Результатом просветления становится подлинная свобода. Иными словами, пустота — это Абсолют, высшая мудрость, выводящая нас за пределы обыденного сознания и обеспечивающая непосредственное постижение истины, что адекватно достижению нирваны.

Концепция пустоты и простоты определяет архитектуру Японии на протяжении большей части истории этой страны и составляет японскую идентичность. Красота пустого пространства, его созерцание воспринимается японцами как момент безмолвной полноты, который содержит глубокий смысл: «Там, где по привычке ты ожидаешь встретить объект, или массу, или элемент симметричности, они отсутствуют, и именно это отсутствие неожиданно пробуждает в тебе чувство удовольствия. Пустота – это бесформенность, но она есть также источник всех возможностей» [2, с.29].

Благодаря стремлению к пустоте и аскетизму, выражавшемуся в упрощении формы и отказе от декора, использовании концепции ваби-саби (что характеризуется как «бедность» или «отсутствие пребывания в светском обществе») в японской архитектуре зародился стиль минимализм, воспринимаемый сегодня в качестве одного из самых популярных современных направлений в архитектуре и дизайне.

Минимализм господствует в экстерьерах и интерьерах японских архитекторов, подтверждая верность японцев «пустоте». Так, Т. Андо считает, что пустые пространства – это места, где противоположности конфликтуют друг с другом, являются местами столкновения и противостояния света и тьмы, старого и нового, архитектуры и природы. Он утверждает, что концепция «Ма» (пустоты) в японской архитектуре и эстетике относится не к спокойному, мирному месту, а к пропасти, полной жестокого конфликта и конфронтации. Традиционная японская архитектура – это «архитектура, доведенная до крайности простоты и эстетики, настолько лишенная атрибутов, что глубоко созвучна теории «Ма», или ничто» – считает он. В своих проектах Т. Андо оставляет пространство пустым, тем самым предоставляя людям возможность заполнить пространство в соответствии с их восприятием. [7]

В западной традиции пустота семантически воспринимается как отсутствие, ничто, и, следовательно,

не представляет какую-либо ценность. Она выступает скорее, как синоним небытия и рассматривается в негативном значении как бедность, одиночество, опустошенность, недостаток чего-либо.

Попытки осмыслить ее значение в положительном аспекте рассматриваются в трудах современных западных философов – М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Ж. Бодрийара, Ж. Дерриды, Р. Барта и других. М. Хайдеггер пишет: «Но, возможно, как раз пустота сродни собственному существу места и потому она вовсе не отсутствие, а произведение. Снова язык способен дать нам намек. В глаголе «пустить» звучит впускание, в первоначальном смысле сосредоточенного собирания, царящего в месте. Пустой стакан значит: собранный в своей высвобожденной и способный впустить в себя содержимое. Опускать снятые плоды в корзину значит: предоставлять им это место. Пустота не ничто. Она также и не отсутствие». [8]

У Ж. Бодрийара соотношение элементов пространства происходит исключительно благодаря пустоте, она становится его формализованным знаком. Каждый предмет пространства, каждая его форма нуждается в окружении пустотой, иначе среда разрушается: «В комнате, где много пространства, возникает эффект Природы – «все дышит». Пространство больше не возникает из взаимосвязи форм, наоборот – Отсюда тяга к пустоте: так голые стены комнаты могут обозначать культурность и достаток. Чтобы выделить какую-нибудь безделушку, вокруг нее создают пустоту. Таким образом, «среда» зачастую представляет собой лишь формальную расстановку, где те или иные вещи «персонализируются» через исчислимость пустоты». [9]

Учение дзен-буддизма оказалось глубоко созвучным ряду направлений европейской мысли и оказало серьезное влияние на всю западную культуру XIX–XX веков. Через стремление общества к оккультизму и ориентализму восточные практики проникают в авангард, где происходит поиск первооснов в художественном языке. Паузы в виде чистых, протяженных объемов становятся неотъемлемым свойством пространства в архитектуре новых стилей – конструктивизма, рационализма, модернизма. Благодаря японской философии дзен «пустотный канон» становится основой проектной культуры в архитектуре Запада. Так, для Р. Колхааса пустое пространство, является местом с «программным потенциалом», неисчерпаемой множественностью потенциальных возможностей. Отношение архитектора к пустоте превратилось в часто повторяемое им изречение: «Где нет ничего – возможно все; где есть архитектура, ничего другого невозможно».

В России категория пустоты имеет резко негативное значение и связана с разрушением и смертью. Отношение к пустоте можно охарактеризовать словами литературного критика М.Н. Липовецкого: «Мир есть нечто, изготовленное из «ничто», и потому все категории внешнего и внутреннего бытия иллюзорны.

Поиски истины в этом пустом и иллюзорном мире, по существу, тождественны смерти, небытию. Точка пустоты, абсолютного ничто – иначе: смерть – оказывается квинтэссенцией всех форм жизни». [10]

Страх русских людей перед большим пространством, боязнь пустоты на уровне бессознательного описывает в своем эссе «Широта и теснота» философ М. Н. Эпштейн. Он называет безграничное, но при этом оказавшееся тесным, пространство чудом, чистой формой вместимости. Безграничное, где люди жмутся друг к другу в страхе перед необъятным простором. Неразрешимость, противоречивость этого факта определяется как «давняя, из глубин веков, предрасположенность обитателя великой равнины». «Кажется, что в России мы все страдаем комплексом любви-ненависти к пространству. Чистое поле, неведомые равнины, пустая тьма, беспредельная вышина... Такой простор есть пустота, полное Ничто, близость которого невыносима» - пишет он. [11]

Характерной особенностью русской культуры является парадоксальная проблема с ее нахождением в современном времени как таковом. Способ существования русской культуры приводит ее к состоянию, когда, по словам М. Эпштейна, «элементов предмодерна и постмодерна в ней гораздо больше, чем собственно современных черт». [12, с.142] «Отсутствие» нахождения культуры России в моменте «здесь и сейчас», который характеризуется согласно философии дзен-буддизма как захватывающее чувство свободы, полноты и целостности, приводит к конфликту интерпретации понятия «пустоты» в России. Здесь пустота занимает маргинальное положение, становится «бедной». М. Эпштейн приводит такое сравнение: «В Европе пустота есть некое вакантное место, еще не вполне обустроенное, подлежащее овладению, культивации, требующее активных человеческих действий, заботы и труда. В России сама пустота есть активное начало, взбесившийся вакуум, засасывающий в никуда все начинания человека, втягивающий в смерчеобразную воронку всю историю, традиции, культуру». [12, с. 194]

Отношение к пустоте как к ценности зарождается в России в начале XX века, когда в стране начинается эпоха пробуждения самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. В результате были открыты новые источники творческой жизни, появилась надежда на ее преобразование. Художники, изменившие мир и направление развития искусства и архитектуры – кубофутуристы, супрематисты, конструктивисты, лучисты, абстракционисты – проложили путь к отношению к пустоте как священной ценности. Она выступает как символ возрождения, надежды на новую лучшую жизнь рабочего класса.

Экстаз «тотальной пустоты» выражается через супрематизм К. Малевича, освободившего искусство от наследия предметного мира в виде изображения

беспредметности, которая художником воспринималась как пустота: «У меня - одна голая, без рамы (как карман) икона моего времени, и трудно бороться. Но счастье быть не похожим на вас дает силы идти все дальше и дальше в пустоту пустынь. Ибо там только преображение». Обладая до определенного момента – начала 1930-х годов – художественной свободой, советские архитекторы авангарда вдохновляются архитекторами Малевича. [13]

В авангарде пустота завораживает, пустое пространство понимается как эквивалент молчания, в котором содержится превышающая любое высказывание полнота. «Пустота в авангарде свернута в формах самой культуры, практически неотделима от них. Невозможно выделить эту пустоту в чистом виде, как нельзя выделить и самостоятельную культурную субстанцию, лишённую этого привкуса пустоты, этой условности, номинальности своего существования». Знамя невероятного мира русского авангарда подхватил «модернизм» – новый стиль архитектуры, свободный от жестких ограничений и канонов, у которого появился священный Бог – Пустота. Модернизм в России с его интернациональным пафосом через директиву и принуждение становится главенствующим архитектурным стилем страны. [14]

Обладая утилитарными качествами, модернизм становится мировым интернациональным стилем, дресс-кодом глобального капитализма. В середине XX в. на пути искусства от образа бытия к образу небытия наступает критический момент, когда модернизм начинает ощущать себя в тупике: модернизму дальше идти некуда, поскольку он, как выразился У. Эко, «разрушает образ, отменяет образ, доходит до абстракции, до безобразности, чистого холста, до дырки в холсте, до сожженного холста». [15]

В абстрактности и «чистоте» «интернационального стиля», в его предельной функциональности, доходящей порой до обезличенной утилитарности, что вполне соответствовало ценностям капиталистического общества, заключающимся в экономической целесообразности и рентабельности любого продукта, пустота теряет свое значение, вырождается, становится частью «пустого» канона. А.Г. Раппапорт пишет: «Постмодернизм, разоблачивший миф модернистской архитектуры, с помощью семиотической и философской рефлексии, но не создавшим свой собственный, утвердил свободу как «аномию», беззаконие, превратив архитектуру из мифа в сказку, а жизнь — в маскарад». [16]

Пустота в архитектурном постмодернизме присутствует в качестве «артефакта», «вещи». В книге «Эра пустоты» французский философ Ж. Липовецки отмечает: «Постмодернистское общество больше не имеет ни идолов, ни запретов; у него нет ни величественных образов, в которых оно видит себя, ни исторических замыслов, которые мобилизуют массы. Отныне нами правит пустота, которая не является ни трагической, ни апокалиптической». [17]

В своей монографии «Пустой знак в постмодернизме» Е. М. Тюленева предполагает, что пессимистически воспринимать те изменения, которые происходят с «пустотой» при ее движении из модернистской парадигмы в постмодернистскую преждевременно, категория пустоты как священной значимой вещи имеет все шансы для реабилитации. «Пустота переживает не кризис, а новую стадию и форму существования. Специфика этого существования состоит в той возможности, которую обретает пустота: возможности становится собственно формой, стадией, интерьером, действующим лицом и т. д. Пустота в постмодернизме перестает поддерживать оппозицию верх / низ (абсолют / бездна, есть / нет), а вновь обретает трансцендентную мудрость». [18] Это является естественным эволюционным движением. Согласно философии дзен, обретение смысла/пустоты тоже становится исключительно результатом внутренней работы индивида, а не продуктом внешнего влияния.

Самый существенный упрек критики в адрес современной архитектуры – отсутствие в ней глубины, осмысленности, ощущения постоянной основы. Другими словами – это упрек в отсутствии онтологического, то есть бытийственного. Ощущение пустоты у человека XXI века – это результат индивидуализации, не только потери авторитета религии, но и оборванных традиционных связей. В настоящее время человек в каком-то смысле существует в пространстве пустом, выхолощенном, в пространстве, где связи устанавливает он сам. Это пространство нашего сознания, где мы пытаемся как-то связать фрагменты части пространства и выстроить систему координат, но система эта очень зыбкая, и «целого», подобного тезису гештальтпсихологии, выстроить не удастся. На это влияет незаинтересованность общества в смысле своего существования, в котором сама установка на поиск смысла вызывает скепсис. Современное «мусорное пространство», по выражению Рэма Колхааса, уводит общество от реальных смыслов и подлинного «пути», мешает признать собственную «пустотность». Нынешняя пустота в современной архитектуре – это дань моде, тип проектирования, и менее всего – мировоззрение. [19]

Отношение современного поколения к пространству и к пустоте дает иную перспективу наступлению переходного момента к возвращению сакрального значения пустоты как спасению от вполне конкретной «пустоты».

Проведенный опрос среди представителей современного поколения показал их отношение к пространству и пустоте. Приоритеты поколения третьего тысячелетия в большей степени ориентированы на удовлетворение социальных, познавательных и эстетических потребностей. Примечательной чертой современного поколения является способность постигать жизнь из нее самой, «ощупывать» этот мир вне классических категорий и задавать новые ценностные ориентиры.

Представители нового поколения ведут себя более рационально, чем их непосредственные предшественники. Они стремятся к минимализму и выражают осмысленное, не подверженное наносному веянию моды, стремление к пустоте и простоте. По их словам, пустота дает человеку ощущение свободы от ненужных излишних вещей, спокойствие, умиротворенность. Для них пустое пространство всегда эмоционально и энергетически заряжено, оно не просто проживается, а переживается – все материальное, заполняющее пространство, отвлекает взгляд от него самого, как бы уничтожая его суть.

В эпоху глобализации и кризиса среды обитания современного человека, мнимо заполняемой с помощью масс-медиа и новых коммуникаций, многочисленных задач, которые стоят перед современным поколением, мы возлагаем на него надежды на наполнение этой «пустоты». В назидание можно сказать словами И. Бродского: «Когда ты невольно вздрагиваешь, чувствуя, как ты мал, помни: пространство, которому, кажется, ничего не нужно, на самом деле нуждается сильно во взгляде со стороны, в критерии пустоты. И сослужить эту службу способен только ты». «Становясь таким «критерием пустоты», человек тем самым обретает парадоксальную ответственность за все мироустройство, становится причастным ему — и тем самым максимально возможным образом реализует свою свободу». Свободу, которая и есть Пустота. [20]

Выводы

1. Согласно философии дзен, пустота является категорией ментального мира, она имеет значение Бога, Абсолюта, высшей мудрости, истины. Она понимается не как обычная пустота, а Пустота с большой буквы – как доступ к миру чувств и смыслов, неисчерпаемый источник творения.
2. Понимание Пустоты восточными философами дзен соотносится по смыслу с законом гештальтпсихологии «фигура-фон».
3. Согласно психологической доктрине К. Г. Юнга, восприятие человеком Пустоты коренится в глубоких психических слоях человека на уровне коллективного бессознательного.
4. В то время как на Востоке Пустота обладает сакральными, эстетическими качествами, на Западе и в России она в разной степени трактуется в негативном значении как выражение разложения и депривации.
5. В недолгий, но значимый для всей мировой культуры период расцвета авангарда Пустота занимает законное священное место в проектной культуре художников и архитекторов. В условиях интернационального стиля, когда модернизм приобретает промышленные масштабы, происходит девальвация ее значения.
6. Умение проектировать Пустоту – одна из высоких ступеней мастерства архитектора, создание пусто-

го, ничем не заполненного пространства – своеобразная духовная провокация.

7. Пустота измеряется иной мерой – интуитивным ощущением ритма, она обретает силу, становится «богатой» только в подготовленном обществе. Через переосмысление значения Пустоты в корне меняется отношение к миру, создается более целостное и объективное его восприятие. Можно сказать, что наличие пустого пространства в доме в наибольшей степени демонстрирует нарратив о современном обществе.
8. В эпоху нового постмодернизма, переоценки ценностей, когда мы еще не знаем, какие элементы в нашей культуре победят, осмысленное и уважительное отношение современного поколения к пространству и Пустоте, стремление к естественности, простоте и минимализму открывает возможность сохранить определенный динамизм в архитектуре, в пространстве городов, несмотря на огромные проблемы с плотностью.
9. Пустота как особое осмысленное состояние пространства имеет силу, достаточную для того, чтобы привнести новые изменения для людей, городов даже на глобальном уровне.

Библиографический список

1. Лао-Цзы: Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). Переводчик: Малявин Владимир Вячеславович. Издательство: АСТ, 2017 г. 205 с.
2. Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. Перевод с английского С.В. Пахомова. Санкт-Петербург «Наука», 2003 г.
3. Маха Праджня Парамита Хридая Сутра. URL: <https://cityfloat.ru/articles/sutra-serdtsa.html> (дата обращения: 25.01.2021).
4. Norberg-Schulz C. Heidegger's thinking on architecture // *Perspecta: The Yale Architectural Journal*, No. 20, 1983. 61-68.
5. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
6. Саенко Н. Р. Онтологическая поэтика пустоты. Издательство: Академия Естествознания. Год издания: 2010. URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=2833>(дата обращения: 20.12.2020)
7. Tadao Ando Complete Works. London, Phaidon Press, pp. 446-448. Originally published in: *The Japan Architect*, vol.301, May 1982, pp.8-12.
8. Хайдеггер М. Искусство и пространство. 1969 г. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000291/index.shtml> (дата обращения: 20.12.2020).
9. Бодрийяр. Ж. Система вещей / Перевод с франц. и сопроводительная статья С. Зенкина. М., 2001. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3496/3504> (дата обращения: 20.12.2020).
10. Липовецкий. М. Н. Русский постмодернизм - очерки исторической поэтики. Монография. Екатеринбург

- бург, 1997 г. URL: <http://glebland.narod.ru/postmod.htm> (дата обращения: 25.12.2020).
11. Эпштейн М.Н. «Бес. Широта и теснота». 1982 г URL: http://www.emory.edu/INTELNET/es_bes.html (дата обращения: 20.12.2020).
 12. Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000.
 13. Ичин К. Супрематические размышления Малевича о предметном мире. «Вопросы философии». Опубликовано 10.11.2011 г. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=402&Itemid=52 (дата обращения: 20.12.2020)
 14. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. — М.: Высшая школа, 2006. 328 с.
 15. Эко. У. Заметки на полях «Имени Розы». Издательство: Симпозиум, 2005 г. 39 с.
 16. Раппапорт А. Г. Пять проблем теории архитектуры XXI века / А. Г. Раппапорт // Проект Россия. – 2006. – №1 (39). 161 с.
 17. Липовецки. Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. Перевод с французского В.В. Кузнецова. Санкт-Петербург «Владимир Даль», 2001 г. С 23-24.
 18. Е. М. Тюленева. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика. Монография. Иваново, 2006 г. 284 с.
 19. Колхас. Р. Мусорное пространство. Издательство: Арт Гид. Год издания: 2015. 79 с.
 20. Липовецкий М. Н. «Критерий пустоты». Журнал «Урал», №7, 2001 URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/7/kriterij-pustoty.html> (дата обращения - 25.12.2020).
 6. Sayenko N. Ontological poetics of emptiness. Publisher: Academy of Natural Sciences. Year of publication: 2010. URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/section? Id = 2833> (date accessed: 20.12.2020).
 7. Tadao Ando Complete Works. London, Phaidon Press, pp. 446-448. Originally published in: The Japan Architect, vol. 301, May 1982, pp. 8-12.
 8. Heidegger M. Art and space. 1969 year URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000291/index.shtml> (date accessed: 20.12.2020).
 9. Baudrillard. J. System of things / Translation from French. and an accompanying article by S. Zenkin. M., 2001. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3496/3504> (date of access: 20.12.2020).
 10. Lipovetsky. M. N. Russian Postmodernism - Essays on Historical Poetics. Monograph. Yekaterinburg, 1997 URL: <http://glebland.narod.ru/postmod.htm> (date of access: 25.12.2020).
 11. Epshtein M. N. «Demon. Latitude and crampedness». 1982. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/es_bes.html (date accessed: 20.12.2020).
 12. Epshtein M.N. Postmodern in Russia. Literature and theory. M.: R. Elinin's edition, 2000.
 13. Ichin K. Malevich's Suprematist Reflections on the Objective World. Journal «Questions of Philosophy». Published on November 10, 2011 URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=402&Itemid=52 (date accessed: 20.12.2020).
 14. Epstein M.N. Word and Silence: Metaphysics of Russian Literature. - M.: Higher school, 2006. 328 p.
 15. Eco. W. Notes on the margins of the Name of the Rose. Publisher: Symposium, 2005. 39 p.
 16. Rappaport A. G. Five problems of the theory of architecture of the XXI century / A. G. Rappaport // Project Russia. - 2006. - No. 1 (39). p.161.
 17. Lipovetsky. J. The era of emptiness. An essay on contemporary individualism. Translated from French by V.V. Kuznetsova. St. Petersburg «Vladimir Dal», 2001 23-24.
 18. Tyuleneva E. M. Empty Sign in Postmodernism: Theory and Russian Literary Practice. Ivanovo, 2006, 284 p.
 19. Koolhaas. R. Waste space. Publisher: Art Guide. Year of publication: 2015. 79 p.
 20. Lipovetsky M.N. The criterion of emptiness. Ural magazine, No. 7, 2001. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/7/kriterij-pustoty.html> (date of access - 25.12.2020).

References

1. Lao Tzu: A Book about the Way of Life (Tao Te Ching). Translator: Malyavin Vladimir Vyacheslavovich. Publisher: AST, 2017 205 p.
2. Suzuki D.T. Zen and Japanese culture. Translated from English by S.V. Pakhomov. St. Petersburg «Science», 2003
3. Maha Prajna Paramita Hridaya Sutra. URL: <https://cityfloat.ru/articles/sutra-serdtsa.html> (date of access: 25.01.2021).
4. Norberg-Schulz C. Heidegger's thinking on architecture // Perspecta: The Yale Architectural Journal, No. 20, 1983. pp. 61-68.
5. Jung K.G. Archetype and Symbol / C.G. Jung. - M.: Renaissance, 1991. 304 p.

Для ссылок: Курсова М.Г., Репина Е.А. Категория пустоты в мировой архитектуре: Япония, Запад, Россия // Innovative project. 2019. Т.4, №10. С. 20-25. DOI: 10.17673/IP.2019.4.10.2

For references: Kursova M.G., Repina E.A. Category of emptiness in world architecture: Japan, West, Russia // Innovative project. 2019. V.4, No. 10. S. 20-25. DOI: 10.17673 / IP.2019.4.10.2